

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

**Евгений
Шварц**

Одна ночь

Евгений Шварц

Одна ночь

«ФТМ»

1943

Шварц Е. Л.

Одна ночь / Е. Л. Шварц — «ФТМ», 1943 — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

В контору домохозяйства № 263 приходит уже немолодая женщина. Выясняется, что она смогла перейти через линию фронта, настолько для неё важно было попасть в Ленинград. Муж и все её сыновья, кроме самого младшего, попали на фронт, а дочь уехала работать в город. От некогда большой семьи осталась в доме только она и Серёжа, её сын с очень непростым характером. Выясняется, что он украл документы и, с целью попасть на фронт, под чужим именем поступил в училище. И где-то в эти дни он должен уезжать. Матушка же его, зная о том, как Серёжа доверяет своей сестре Даше, проделала весь этот длинный путь, чтобы найти её и, с помощью дочери, спасти сына от ужасов фронта. У матери на это есть только одна ночь.

© Шварц Е. Л., 1943
© ФТМ, 1943

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Евгений Шварц
Одна ночь
Пьеса в трех действиях

Действующие лица

Марфа Васильева.

Даша – её дочь.

Сережа – её сын.

Иваненков Павел Васильевич – управхоз.

Лагутин Захар Иванович – монтер.

Архангельская Елена Осиповна – командир санзвена.

Ольга Петровна – домашняя хозяйка.

Оля.

Нюся.

Шурик.

Действие первое

Восемь часов вечера. Контора домохозяйства № 263, просторная, высокая, со сводчатыми потолками. По конторе из угла в угол шагает, бормоча что-то, монтер домохозяйства, старик в круглых очках, с аккуратно подстриженной бородкой, Захар Иванович Лагутин. Радиорупор на стене передает непрерывно отчетливый, ровный стук метронома: тик-так, тик-так!

Лагутин *(внезапно останавливаясь)*. Эх, праздничка, праздничка хочется. Ох, сестрицы, братцы золотые, дорогие, как мне праздничка хочется! Чтоб лег веселый, а встал легкий! Праздника, праздника, праздника бы мне!

Звонит телефон.

Слушаю! Контора домохозяйства № 263. Управхоз вышел. Говорит монтер Лагутин. Потому управхоз не пришел на совещание, что дворника хоронил. А кому еще одинокого дворника хоронить? Человек умер на посту, шел в милицию, а попал под артобстрел. Ладно. Хорошо. Передам. *(Вешает трубку.)* Собрания, совещания, совещания, собрания... *(Обращается к репродуктору.)* Тик-так, тик-так! Что ты отсчитываешь? Скажи ты мне – что? Сколько нам жить осталось до наглой смерти или сколько до конца войны? Тик-так, тик-так!..

Вопли за дверь: «Составлю на вас акты, дьяволы!»

Вот и управхоз идет...

Распахивается дверь. Быстро входит высокий человек в старой солдатской шинели. В барашковой шапке с ушами. Это управхоз Иваненков.

Иваненков. Вы у меня дождетесь, трепачи проклятые! Шутки шутят в условиях осажденного города!

Лагутин. Чего ты расстраиваешься?

Иваненков. Да как мне не расстраиваться? Этот чертов Шурик стоит в коридоре и подымает панику.

Лагутин. Каким манером?

Иваненков. Воздушную тревогу изображает, паразит. У-у-у! У-у-у! До того похоже, что даже я поверил, из квартиры выскочил. Уже пятнадцать лет парню, а он все шутит! Девчонки хохочут, а он старается, воет. Ну, тут я им показал, по всем лестницам от меня бежали, черти.

Лагутин. Скучают ребята.

Иваненков. Молчи! Ты что жуешь?

Лагутин. Да нет, это я так, бормочу.

Иваненков. Займи сухарик, я отдам.

Лагутин. Нет у меня, Паша, сухариков. Я ведь, Паша, ничего не запас.

Иваненков. И я не запас. Управхозу нельзя запасать. Сегодня одна гражданка в булочной научила, как обращаться с соевыми бобами. Надо их, Захар, сырыми поджарить, пока не зарумянятся, а потом уже в воду. Тут только они, проклятые, разварятся.

Лагутин. Пробовал?

Иваненков. Нет.

Лагутин. Почему?

Иваненков. Бобов нету.

Лагутин. В квартире двадцать восьмой домработница живет, Зина. Ее тетки сосед в штабе работает. Он говорит, еще только одну декаду нам терпеть. А потом непременно пойдут эшелоны с продовольствием. Со всех концов Союза пригнали к нам, Паша, муку белую, крупчатку, сахар, гречку, пшено, рис, масло и животное, и растительное, какого только твоя

душа пожелает. Разобьют кольцо, откроется дорога и хлынет к нам, Паша, питание. Ты что ищешь?

Иваненков. Приказ.

Лагутин. Опять?

Иваненков. Надо, надо приказывать, Захар, надо, надо!

Лагутин. Дергаешь ты народ.

Иваненков. А его надо дергать. Надо, надо! Не понимает народ, что живет в условиях осажденного города. Буду составлять акт на каждого, кто числится в резерве группы самозащиты, а сам во время сигнала воздушной тревоги сидит себе дома.

Лагутин. Я допускаю, что народ иногда норовит отдохнуть не вовремя, но ты, Паша, погляди на него любовно.

Иваненков. Ну и что это нам даст?

Лагутин. Это много даст! Народ держится, Павел Васильевич. И конца не видно этому запасу терпения. Есть ли на земле место серьезнее нашего города? И артобстрел, и бомбежки, и кольцо тебя душит, Паша... А как народ ведет себя? Ты посмотри любовно на это зрелище. Тут музыки нет, блеска не видно, угрюмый шагает перед нами парад, но все-таки довольно величественный. Надо бы, Паша, похвалить и приласкать жильцов каждого домохозяйства, каждой квартиры, каждой комнатки.

Иваненков. Ты его приласкай, а он тебя по морде сапогом.

Лагутин. Возможно. Народ у нас необходимый, это факт. Но...

Иваненков. Пстой! Они опять хохочут! Слышишь?

Лагутин. Ребята веселятся.

Иваненков. Сейчас я им покажу, как хохотать! Они у меня станут грустными, проклятые!

Дверь распахивается. В комнату вбегает Шурик, не по возрасту длинный, узкоплечий подросток.

Ты опять, Шурик? А?

Шурик. Мы, дядя Паша, диверсанта поймали.

За дверью хохот.

Иваненков. Видал? Вот поди приласкай такого! Пятнадцать лет парню, а он все шутит!

Шурик. Дядя Паша!..

Иваненков. Я тебе не дядя!

Шурик (*очень мягко*). Дядечка, послушайте, если человек ходит по коридорам и спрашивает, где тут управхоз сидит, то что нам делать? Мы его, дядечка, взяли. Она послушалась, идет.

Иваненков. Кто она?

Шурик. Диверсант.

За дверью хохот.

Иваненков. Пошел вон из конторы.

Шурик. Дядечка, вы посмотрите сами. Нюся, Оля, ведите её!

Иваненков. Ну, берегись, Шурик. Если это опять шуточки, а то я тебя убью и отвечать не буду!

Нюся и Оля вводят, хихикая, суровую пожилую женщину. Это Марфа.

Ну? В чем дело? Кто вы такая?

Марфа. Приезжая.

Иваненков. Кто, кто?

Марфа. Я же тебе ответила. Подвинь стул, мальчик. Видишь, кажется, усталый человек перед тобой. (*Усаживается.*)

Иваненков. Когда приехали?

Марфа. Только что.

Иваненков. Когда, когда?

Марфа. Да ты, отец, кажется, оглох. Я отвечаю тебе: только что.

Иваненков. К нам только что не приезжают.

Марфа. Отчего же это?

Иваненков. К нам проезда нет!

Марфа. А я вот приехала.

Иваненков. Откуда?

Марфа. Из Ореховца.

Иваненков. Ореховец по ту сторону от нас.

Марфа. Это мне, отец, лучше, чем тебе, известно.

Иваненков. Документы!

Марфа. А я у тебя прописываться не собираюсь. Не тараци на меня глаза. Я сама у нас в городе была квартальным уполномоченным, меня не испугаешь.

Иваненков. А раз была, так должна ты меня понимать.

Марфа. Я тебя понимаю. Очень хорошо понимаю. Ты управхозом недавно, и в тебе как гвоздик сидит. Пришел к тебе человек. Шел через фронты – значит, не пустяк погнал его из дому. А ты сразу начинаешь кричать, глаза лупить.

Иваненков. Теперь каждое домохозяйство – объект. Понимаешь ты – объект! А я начальник объекта. Отвечай мне, кто ты такая, или пойдешь сейчас же в милицию.

Марфа. Вы, мужики, хуже детей. Только бы ему изображать, только бы ему искажаться! На! Вот документы. *(Роется в боковых карманах шубы.)* Спросил бы меня сразу, спокойно, кто такая, откуда, что тебе тут нужно – и все бы прояснилось. Нет. Надо кричать, на спор вызывать, когда человек расстроен. Читай.

Иваненков читает сосредоточенно документы.

Шурик. Тетя, скажите что-нибудь по-немецки.

Нюся и Оля хохочут.

Марфа. Эх, ребята, ребята... Тебя как зовут?

Нюся. Нюся.

Марфа. На племянницу мою ты похожа. Такая же была хорошенькая да веселенькая, а потом, бедная, воровочкой стала. Уж так не хотелось, уж так она плакала, а пришлось.

Нюся. А почему?

Марфа. В такую компанию попала...

Нюся. У нас компания хорошая.

Марфа. Я не к тому. Я так просто вспоминала.

Шурик. Тетя, а вас Гитлер лично послал или...

Оля. Довольно, идиот. Сказал раз и хватит.

Нюся. Никогда остановиться не может.

Марфа. Эх ребята, ребята. Вы, девушки, уже совсем невесты, этот Шурик уже ростом с каланчу, от детей оторвались. Но к взрослым еще не пристали. Скучаете. А?

Оля. Не знаю.

Марфа. Большие уже. *(Иваненкову.)* Ну! Выучил наизусть.

Иваненков. Стой, стой. Так. Так, значит, Марфа Васильева. Из города Ореховец? Кем выдан паспорт?

Марфа. Вторым отделением милиции, начальник паспортного стола Глебов. Нечего допрашивать меня. Лучше ты мне скажи, живет ли у вас в доме Васильева Дарья?

Иваненков. Я не могу тебе давать справок о жильцах.

Марфа. Почему?

Иваненков. Не такое время.

Марфа. Ну вы кто-нибудь скажите – Васильевой не знаете? А? Дарья.

Лагутин. Не знаю тетка. Я бы тебе сказал, честное слово.

Марфа. Нет, этого не может быть. Что же, я напрасно иду две недели! Ты! Управхоз! Скажи только – да или нет. Живет – не живет? Ведь если спрашивают – значит, нужно. Ну, чего ты боишься? Ты в меня взглядишь, вот она я вся! Своя же!

Иваненков. Никаких справок не дам.

Марфа. Дашь!

Иваненков. Не дам!

Марфа. Я с генералом говорила на фронте, дурак ты!

Иваненков. Тетка, тетка!

Марфа. Он мне все разъяснил! Он приказал меня через озеро по льду переправить. Мне капитан по компасу путь показал и дал мне с собою компас – вот он. Бойцы со мною как с сестрой или с матерью родной разговаривали, а ты в самом конце пути ставишь мне препятствия! Черт!

Иваненков. Не повышай голоса, гражданка!

Марфа. Да как же мне не повышать голоса? Добралась сюда, а тут дороги никто не показывает, справок не дает, косятся на тебя. Что это за город!

Иваненков. Осажденный город, тетка.

Марфа. У тебя дети есть?

Иваненков. Это дело мое.

Марфа. Дарья Васильева мне дочка – понимаешь ты? Но не только в этом дело. Если я ее сейчас, сегодня не найду, такая беда может произойти, что подкосит она меня.

Нюся. Дайте ей справку, а дядя Паша.

Иваненков. Васильева Дарья у нас не проживает.

Марфа. Проверь!

Иваненков. Я своих жильцов знаю.

Марфа. Она только восьмой день как переехала к вам! Её прежний дом разбило. Все жильцы этого дома ордера получили к вам сюда. Если ее тут нет, тогда где же она? Ну?

Иваненков. Не могу тебе сказать.

Лагутин. А где жила ваша дочь?

Марфа. Лавров переулок, дом шесть, квартира восемь.

Лагутин. Действительно, должна она быть тут. Посмотри списки, Паша.

Иваненков. Я и так знаю, что Дарья Васильева у нас не проживает.

Марфа. Двадцать четыре года ей. Старшая моя дочь. Не заставляй ты меня терять время! Мне её нужно, нужно сегодня найти! Я знаю, что она жива: в том доме жертв не было. Где она?

Распахивается дверь, и в комнату заглядывает Ольга Петровна.

Ольга Петровна. У кого пятый крупяной талон не вырезан – ой, мамочки мои, холод какой, – тот может ноги получить. Ой-ой-ой, замерзла. Из ног можно студень сделать. Бррр...

Шурик (*очень мягко*). Из чьих это ног, тетя Оля? Из ваших?

Девочки хохочут.

Ольга Петровна. Из телячьих, хулиган, а не из моих. По пятому крупяному телячьи ноги дают. Не ноги, а копытца с верхушкой. По рабочей и детской – кило, а остальным – семьсот пятьдесят. Черный Вал взяли мы. Тетка, продаешь что-нибудь? Дуранды нет?

Марфа. Нет.

Ольга Петровна. А может, хряпа есть?

Лагутин. Зайдите, пожалуйста, сюда, Ольга Петровна, не студите контору.

Ольга Петровна. Некогда, некогда. Посидите за меня еще только пять минуточек, Захар Иванович, я только домой сбегаю. Что же ты меняешь, тетя?

Марфа. Ничего у меня нет.

Ольга Петровна. Как нет? Ты же у меня выменяла позавчера носочки за вермишель?

Марфа. Оставьте вы меня, гражданочка, и без вас тошно.

Ольга Петровна. Так, значит, не у тебя я вермишель брала? Откуда же твое лицо мне знакомо? В девятом номере жиличка пропала. Четвертый день нет ее. Сейчас она мне в очереди заявляла. Старуха из девятого. Сообщаю, мол, вам, как ответственной дежурной.

Иваненков. Ольга Петровна, или туда или сюда! Сквозит!

Ольга Петровна. Сейчас я приду. Только домой отнесу хлеб и ножки. Мамочки! Я вспомнила, вам была телефонограмма, товарищ Иваненков. Срочная.

Иваненков. Спасибо! Ответственная дежурная группы ПВО в гастроном отправляется, а...

Ольга Петровна. Не в гастроном я. Только в булочную. В гастроном-то я так, мимоходом, забежала. Меня Захар Иванович заменял.

Лагутин. Вы мне про телефонограмму ничего не заявляли.

Ольга Петровна. Разве? Вон она там, товарищ Иваненков, под книжкой. Строгий выговор вам, если вы в девять часов не придете в райсовет. Вы успеете. Еще без четверти девять. Далеко ли тут?

Иваненков (*читает телефонограмму*). Не в девять, а в девятнадцать часов мне было приказано явиться!

Ольга Петровна. Разве?

Иваненков. Ответственная дежурная! Вы мне ответите! К семи часам вызывали человека, а она по магазинам гуляет! Что мне делать теперь, а?

Лагутин. Я забыл, Паша. Они звонили еще раз. Я сказал, что ты на кладбище, дворника хоронишь. А они приказали: когда бы ни вернулся, чтобы все равно срочно шел в райсовет. Немедленно.

Иваненков. И тебе спасибо, старый черт! (*Шурику.*) Пошел вон отсюда!

Шурик. Дядя Паша, ведь я ее не принимал.

Иваненков. Кого её?

Шурик. Телефонограмму.

Нюся и Оля хохочут.

Иваненков. Вон отсюда. Контора домохозяйства не для шуток! Мне ваше хихиканье вымотало всю душу. Вон! Дежурная, займите своё место.

Ольга Петровна. Подожди! Дай отнести...

Иваненков. Не буду ждать! Вернусь – составлю акт на вас всех! Демоны! Вон отсюда!

Шурик, Оля, Нюся с хохотом убегают.

Займите ваше место, Ольга Петровна! Я приказываю!

Лагутин. Давай я отнесу покупки.

Иваненков. Тут тревога с минуты на минуту начнется, а они телефонограммы забывают! Разве я успею теперь в райсовет до тревоги? (*Бежит к двери.*)

Марфа. Стой! В список, в список взгляни! Убежал, сатана!

Лагутин. А вы попросите, гражданка, у ответственной дежурной, чтобы она взглянула. Ольга Петровна, займитесь ими.

Ольга Петровна. Вот сейчас раскутаюсь... Захар Иванович, вы там возле печки положите их... На гвоздик авосечку повесьте... Спасибо, Захар Иванович.

Лагутин уходит.

Сейчас крючочек расстегну... Вот. А теперь платочек развяжу. Так. А теперь сниму его. Готово. А теперь бумажечки разложу. Так. Сейчас креслице подвинем. Вот и подвинула. А теперь сядем. Села. Ну, гражданочка, чего вы хотели?

Марфа. Мне нужен список жильцов, переехавших к вам из разрушенного дома.

Ольга Петровна. Ох, видела я этот дом, милая, видела. Сейчас ключики от стола найдем... В самую середину дома угодило... Вот он, ключики, на месте. А где от чердачков ключи? Вот они... Пост номер один. Пост номер два, пост номер три. А вот ключик от поста наблюдения. Всё. Если вам список новых жильцов нужен, то вы бы, гражданочка, к управхозу обратились.

Марфа. Хоть ты меня не мучай. Пойми, я спешу, спешу! Вон в радио часы стучат. Меня каждый стук как иголкой ударяет. Может быть, этот самый миг отсчитан, на который я опоздала... Взгляни в список жильцов, помоги.

Ольга Петровна. А что у тебя случилось?

Марфа. Сын сбежал.

Ольга Петровна. Сын?

Марфа. Да. Взгляни в список, нет ли у вас тут Дарьи Васильевой.

Ольга Петровна. К ней сбежал?

Марфа. Даша – это дочь моя. А сын Сережа. С нею, с Дашей, с сестрой, он дружен был. Она старше его на семь лет, и как родился Сережа, она, Даша, с ним как с куклой возилась. Вырастила со мной вместе. Он так к ней привязался, что просто удивительно. Мальчишка грубый, неласковый, ум у него мальчишеский. Еще нет семнадцати лет ему. С Дашей он разговаривал, а со мной, родной матерью, у него один разговор был: «Отстань», да «Брось», да «Ну вас» – и сбежал.

Ольга Петровна. Куда?

Марфа. На фронт. Я думала, он со школою на трудовых работах, а он воевать ушел.

Ольга Петровна. Воевать?

Марфа. В ополчение его не брали по возрасту. Тогда что он сделал! Взял документы!

Ольга Петровна. У кого?

Марфа. У учителя Соколовского. Молодой был у них учитель истории, двадцати трех лет. А Сережа мой рослый. Можно дать ему столько. Взял он учителя документы, они вместе на трудовых работах, в одном бараке жили. И ушел. Там пока разобрались, куда он ушел, да зачем – его и след простыл. Только две недели назад узнала я чудом, что под фамилией Соколовский поступил он в школу минометчиков.

Ольга Петровна. Вы подумайте.

Марфа. Я привычная. Я всегда к беде готова. Но она, окаянная, так пути подберет, каждый раз с такой особенной стороны подойдет, с какой и не ждешь её.

Ольга Петровна. Это надо же!

Марфа. У меня муж на фронте. Ушел тоже в ополчение, а теперь в летучей ремонтной бригаде танки чинит. Миша и Ваня, старшие сыновья, один в артиллерии лейтенант, другой в инженерных войсках. Дочка в вашем городе на военном заводе. Сережа из всех моих детей самый неладный, самый трудный.

Ольга Петровна. Смотрите, пожалуйста!

Марфа. Не могу я его отдать. *(Стучит кулаком по столу.)* Не желаю! Был у меня полный дом! Хороший дом, веселый, терпеливый. Первого – впятером провожали, а последнего – вдвоем. Я говорю: «Ну, Сергей, только ты теперь со мной остался». Молчит. И на труд работы молча уехал.

Ольга Петровна. Это надо же!

Марфа. Я одна стала жить в доме, ко всем бедам готовая. А кругом вещи мужа и детей. Легко ли это? То Мишина рубашка мне под руку попадет, то Ванин нож перочинный,

то Дашин кушачок. Хожу, креплюсь, дела себе придумываю. Писем жду. И вот нате вам! Сережа, дурак нескладный, такую штуку учинил. Не отдам его! Не желаю! Пошла я через все фронты, чтобы забрать его обратно из школы.

Ольга Петровна. А он не идет?

Марфа. Школу не могу найти! Перевели её в новое помещение. А куда – не говорят. У них сегодня выпуск! Уедет он – как его искать! Помоги, сделай милость! Даша должна знать, где его школа!

Ольга Петровна. Да, господи, пожалуйста. Сейчас мы столик отопрем. Вот и отперли. Сейчас мы списочек разыщем. Вот и разыскали.

Марфа. Васильева, Дарья Степановна, смотри скорей.

Ольга Петровна. Сейчас, сейчас... (*Смотрит список.*) Как хочешь, тетя, можешь обижаться, но нет здесь такой.

Марфа. Нет?

Ольга Петровна. Вот слушай сама. Сизых А. И., преп. музыки, 1896 года рождения. Преп. – преподаватель значит. А может, преподавательница. По такой фамилии разве поймешь? Барский С. Н., военный прокурор, 1908 года рождения.

Глухой, но явственный удар.

Вот и артобстрел начался... Краммер А. И., юрисконсульт, 1889 года рождения. Краммер М. М., иждивенка, 1917 года рождения, – на молоденькой женился, это надо же! Кузикова Л. П., пенсионерка, 1874 года рождения. Вот сколько разного народа, без вещей, без крова. Воромыкин Э. Э. Что за имя Э. Э.? Эраст Эрастович, наверное. Служащий, 1898 года рождения.

Глухой удар.

Кучеренко В. И., артист, 1870 года рождения. Смотрите-ка! Семьдесят один год, а он все артист. Красовская Д. С., 1918 года рождения.

Марфа. Она!

Ольга Петровна. Как, то есть, она?

Марфа. Она, она. Я-то и не подумала. Записалась она с ним, значит...

Ольга Петровна. С кем?

Марфа. С Колей Красовским. Я не вмешивалась. Но рада все-таки. Записались. Это лучше. Инженер. Тоже из Ореховца. Стой, дай-ка я платок сниму, даже в жар меня ударило. Нашла дочку, а она замужем... Вот, говорила я, что она здесь!

Ольга Петровна. А может быть, это не она?

Марфа. Как же, она! Должность – чертежница?

Ольга Петровна. Да. Написано – чертежник.

Марфа. Она. Спасибо, дежурная. В какой она квартире?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.